

В. Ю. Даренский

ЛУТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ЛУТАНСК

Православная политическая философия Достоевского

Аннотация. В статье рассмотрены основные идеи политической философии Ф. М. Достоевского и их органическая связь с целостностью его православного мировоззрения. Показано, что православный монархизм писателя опирался на те же самые высшие нравственные основания, на которых был основан и его художественный мир, и его понимание человека как духовного существа. Православная политическая философия Достоевского, не понятая его читателями из «образованного слоя», вместе с тем точно соответствовала официальной идеологической формуле «Православие. Самодержавие. Народность». На фоне обезбоженного мира, пророчески изображённого Достоевским, который он прозревал уже в веке XIX, его видение русского народа как «богоносца» и православной монархии как самой христианской и спасительной формы государственности являлось своего рода единственным «лучом света» в этом погибающем мире. Особую ценность политическая философия Достоевского имеет в качестве артикуляции массового народного сознания, которое уже при жизни Достоевского не было представлено в художественной и научной литературе, где в основном господствовала заимствованная в Европе идеология либерализма и демократизма. Достоевский выражал ту «культуру безмолвствующего большинства» народа, которая не была отражена в светской культуре того времени. В «Дневнике писателя» и других его текстах этот народно-православный взгляд на монархию получил рациональную формулировку и аргументацию. В статье выделены основные компоненты этой аргументации, которые

показывают системность политических взглядов писателя, их глубоко продуманный и выстраданный характер. Достоевский не ошибся и в своих прогнозах о будущей революционной катастрофе в России и большом количестве её жертв. Он точно назвал её сущностную причину — захват России «бесами». Он назвал и последнюю надежду, которая остаётся у народа, — это покаяние и воцерковление. Актуальность политической философии Достоевского в современную эпоху обусловлена двумя факторами: она помогает понять реальное политическое мышление русского народа, которое существовало на протяжении многих веков, но до настоящего времени почти не исследовалось; она объясняет «архетипы» русского политического сознания, которые существовали во все времена вплоть до современности и остаются важным фактором российской истории.

Ключевые слова: политическая философия, царь, Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя», монархия.

Для цитирования: Даренский В. Ю. Православная политическая философия Достоевского. — Ортодоксия. — 2021. — № 3. — С. 242–268. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-242-268

1

Политическое мировоззрение русского народа в течение многих веков формировалось двумя главными факторами: православной верой и царской властью. Они необходимо связаны между собой: царская власть в понимании православного народа была основана на том, что царь — это Помазанник Божий, который поставляется на царство специальным церковным обрядом миропомазания. Исходя из этого, царская власть — это особый род церковного служения в миру. С другой стороны, сама монархия как вид власти имеет иконический характер: Бог установил царскую власть по образу Своего Небесного единоначалия. Тем самым, видя на земле самодержавное устройство власти, человеческий ум естественным образом упражняется видеть и самодержавное устройство всего бытия его Творцом. Для сравнения: видя «демократическое» устройство человеческого сообщества, состоящее в борьбе самочинных эгоистических интересов (единоличных и групповых) и отсутствии всякой подлинной

иерархии, человеческий ум склонен переносить эту картину и на мир в целом. В этом случае мир предстаёт как борьба самочинных демонических сил, за которой уже почти не видно Вседержителя. Поэтому можно утверждать, что «демократическое» устройство общества является зеркальным отражением языческого космоса, а термин «демократический» с богословской точки зрения можно приравнивать к термину «демонократический».

Одним из гениальных прозрений Ф. М. Достоевского, ещё почти не оценённых по достоинству, является его политическая философия, и в первую очередь его понимание природы царской власти. Очень важно и то, что Достоевский почти не читал философских политических трактатов — его политическая философия была гениальным отражением народного сознания. Того сознания, которое русский народ не мог высказать сам, но за него это сделал писатель, проникавший в народную душу, как в свою собственную. В 1881 г., незадолго до смерти, в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский высказал особенно важные и сокровенные мысли, явно чувствуя, что уже пишет своё идейное и духовное завещание. Он говорит о спасительности монархии для России и о самой тесной связи царской власти с самой душой православного народа:

«Это дети царёвы, дети заправские, настоящие, родные, а царь их отец. Разве это у нас только слово, только звук, только наименование, что “царь им отец”? Кто думает так, тот ничего не понимает в России! Нет, тут идея, глубокая и оригинальнейшая, тут организм, живой и могучий, организм народа, слиянного с своим царём воедино. Идея же эта есть сила. Создалась эта сила веками, особенно последними, страшными для народа двумя веками, которые мы столь восхваляем за европейское просвещение наше, забыв, что это просвещение обеспечено было нам ещё два века назад крепостной кабалой и крестным страданием народа русского <...> Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя (как было, например, с династиями прежних королей во Франции), а всенародная, всеединящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что от неё только одной ждал исхода своего из Египта. Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его <...> Да ведь это отношение народа к царю, как к отцу, и есть у нас то настоящее, адамантовое основание, на котором всякая реформа у нас может зиждиться и созиждется. Если хотите, у нас в России и нет никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас,

как эта органическая, живая связь народа с царём своим, и из неё у нас всё и исходит. Кто же бы и помыслить мог, например, хотя бы о той же крестьянской реформе, если б заранее не знал и не верил, что царь народу отец и что именно вера народа в царя, как в отца своего, всё спасёт, всё убережёт, удалит беду?» (Достоевский 1984: 21).

Удивительны, особенно для современного человека, в этом отрывке не только мысли Достоевского, но и сам стиль их изложения. Писатель фактически возвращается от привычной ему прозы по европейскому образцу к народному сказу — этот текст его очень близок произведениям XVII в. или даже ещё более ранним. Почему так произошло? Потому, что здесь писатель высказывает самые задушевные свои мысли, самое сокровенное своё политическое мировоззрение — не придуманное им самим, не вычитанное из книг, а общенародное, выстраданное многими веками народной жизни, жизни его предков.

В XX в. это народное политическое мировоззрение впервые было изложено научным языком — сделал это выдающийся русский мыслитель Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953), который создал концепцию самобытных начал русской власти. Согласно этой концепции, в России на протяжении многих веков её самостоятельного развития в допетровскую эпоху был реализован русский идеал народной монархии. Однако уже в послепетровскую эпоху, когда появилось «образованное сословие», этот идеал стал непонятен для этих людей, мысливших по европейскому шаблону: «Моральные религиозные основы русского государственного строительства эта “наука” пыталась уложить в термины европейской государственной юриспруденции. И с точки зрения государственного права — в истории Московской и даже Петербургской империи ничего нельзя было понять; русская наука ничего и не поняла. В “возлюби ближнего своего, как самого себя” никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы какого бы то ни было договора?» (Солоневич 2001: 100).

Монархия — единственный тип власти, установленный Самим Богом ещё в Ветхом Завете — в первую очередь в воспитательных целях, чтобы народ Божий, глядя на единовластного царя на земле, учился видеть очами духовными и Царя Небесного. Тем самым этот тип власти есть власть религиозная по самой своей природе. Монархия — единственный тип власти, основанный на нравственных основаниях любви, верности и чести,

а не на земной корысти. Поэтому падение монархии — это всегда следствие нравственной деградации народа. В 1917 г. в России правил святой царь, но даже это не уберегло страну от падения в бездну Смуты.

На православных основаниях строилась не только «народная монархия», созданная Московской Русью, — она продолжала традицию православной монархии Нового Рима (который в Европе получил унизительное прозвище «Византия» по названию посёлка, который когда-то был на его месте). Мыслители Нового Рима дали этому идеалу и богословское обоснование. В православной монархии император был не простым мирянином, но был лицом, получившим и особый литургический статус. Он должен был, как и священники, входить в алтарь через царские врата и причащаться в алтаре. Это особое литургическое место императора означало, что ему как мирянину было Церковью поручено особое служение, которое делало его предстоящим пред Богом в особой ответственности за свой народ.

Протопресвитер Александр Шмеман писал, что «в византийском “видении” Церковь и государство связаны не юридическим определением и разграничением сфер деятельности, а Православием: верою или доктриной Церкви, которую Империя принимает как свою веру. “Источник” же этой доктрины, её хранительница и толковательница — Церковь, а не Империя. Но, освящённая Православием, Империя уже, конечно, не безразлична для Церкви, и её особое, священное назначение выражается в том месте, которое, со своей стороны, император имеет в Церкви. Это “символизируется” в чине венчания Царя (“Хрисма”), которое, начиная с IX века, может считаться своего рода литургическим выражением византийской теократии. Существенным моментом в нём является исповедание императором веры и присяга на сохранение её в целостности: царская власть <...> сама подчинена теперь Истине, хранимой Церковью. Затем — чин миропомазания, тоже, по всей вероятности, именно с IX века становящийся основным и конститутивным моментом венчания на царство. Это дарование Церковью императору особой “харизмы” (особого дара) на управление Империей, знаменующее не “огосударствливание” Церкви, а пусть и “символическое”, но всё же воцерковление Империи. Император склонял голову, и патриарх собственноручно возлагал корону на него, произнося: “Во имя Отца и Сына и Св. Духа”, — на что народ отвечал: “Свят, Свят, Свят. Слава в Вышних Богу, и на земли мир...”» (Шмеман 2003: 277–278).

Таким образом, византийское воцерковление статуса монарха находится в полной преемственности с пониманием царя Божьего народа, которое сложилось в Ветхом Завете. Кроме того, о. Иоанн Мейендорф справедливо отмечал: «Многие западные историки усматривают в византийской системе взаимоотношений между Церковью и государством совершенный образец “цезарепапизма”. Такое заключение, однако, совершенно неверно... Божественный “дар”, полученный императором, предполагал восприятие им харизматического служения во вселенском христианском обществе в целом, включая сюда и дела вселенской Церкви. Но власть эта, однако, обуславливалась его православием... От императора требовалось следование церковной дисциплине в личной жизни, и ему грозило отлучение, если он её нарушал, как это случилось с императором Львом (886–912) и Иоанном Цимисхием (969–976)» (Мейендорф 2006: 31–32). Принцип симфонии духовной и светской властей — это принцип воцерковления государственной и всей социальной жизни. Именно «Византия, — писал протопресвитер Иоанн Мейендорф, — воспринимала свою христианскую цивилизацию как высшее осуществление истории. Считалось, что, основав “новый Рим” на Босфоре, император Константин осуществил божественный, включённый в само Боговоплощение, замысел — насадить начатки Царства Божия на земле» (Мейендорф 2006: 57).

В этом контексте политическая философия Ф. М. Достоевского, выражающая русское народное политическое сознание, является уникальным и ярким свидетельством воцерковления народа не только на уровне «обрядности», но именно на уровне мировоззрения. Естественно, что политические убеждения писателя всегда были «неудобной темой», поскольку он исповедовал строгий православный монархизм и был ревностным апологетом царской власти, в то время как большинство его читателей и до 1917 г., и тем более после имели радикально иные политические воззрения. В советское время искусственно раздувалась его связь с кружком «петрашевцев» в молодости, а его зрелые взгляды всячески замалчивались. Эта ситуация полностью аналогична ситуации с политическими взглядами А. С. Пушкина — искусственно акцентируется его дружба в молодости с некоторыми будущими декабристами, но хитро замалчивается его столь же убеждённый монархизм, как и у Достоевского, в его зрелые годы. Так целенаправленно искажается представление о мировоззрении и внутреннем духовном мире гениев русской литературы. Целью данной статьи является общий анализ главных идей политической

философии Ф. М. Достоевского в их органической связи с целостностью его православного мировоззрения.

2

«Дневник писателя» уже давно стал предметом исследования как важный источник понимания духовного мира Достоевского. Б. Н. Тарасов писал о том, что «автор “Дневника писателя” пришёл к выводу, что нравственные начала являются основой всему, в т. ч. и благополучию государства» (Тарасов 2014: 170). А в основе его философской публицистики лежит «смыслообразующий и иерархизирующий каркас: в системном историко-антропологическом мышлении автора мир относительного (общественного или идеологического, культурного или бытового) подчинён миру абсолютного (религиозного), а христианская метафизика определяет духовно-нравственную антропологию, качество которой, в свою очередь, обуславливает и плодотворность социально-политического уровня» (Тарасов 2014: 171). В последнее время также появился ряд статей, адекватно отражающих политическую философию писателя (Алексеев, Алексеева 2017; Бочарова, Волкова, Фролова 2018) и показывающих большую важность «Дневника писателя» для понимания мировоззрения Достоевского (Борисова 2016). Однако ещё недостаточно показана связь нравственно-религиозного мировоззрения писателя и его политической философии как его органической части.

Особый нравственный уклад жизни русского народа, по убеждению Достоевского, состоял в том, что для народа «царь его есть и отец его, что дети всегда придут к своему отцу безбоязненно, чтобы выслушал от них с любовью о нуждах их, и что отношения русского народа к отцу-царю своему лишь любовно свободны и безбоязненны, а не мертвенно-формальны и договорны» (Достоевский 1990: 48). Достоевский осмысливал сущность и специфику русского самодержавия с позиции народного взгляда на царскую власть, который и придаёт верховной власти особую силу. Естественно, что этот народный взгляд на царскую власть уже почти забыт в наше время, а «интеллигентным» читателям Достоевского он всегда кажется странным и непонятным. Чтобы было понятнее, нужно вспомнить рассуждение известного русского святого — современника А. С. Пушкина, с которым поэт вступил в поэтический диалог

и признал его учительство, — святителя Филарета (Дроздова). Святой писал: «Народ, благоугождающий Богу, — достоин иметь благословенного Богом царя. Народ, чтущий царя, — благоугождает чрез сие Богу: потому что царь есть устройство Божие <...> Согласно с сим Бог, по образу Своего Небесного единоначалия, устроил на земле царя, по образу Своего вседержительства — царя самодержавного, по образу Своего Царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, — царя наследственного <...> О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство царя и устройство царства земного по образцу небесному..! Простираясь от известного к тому, что, может быть, менее усмотрено и понято в слове апостольском, обращаю ваше внимание на то, что апостол, уча страху Божию, почтению к царю, повиновению начальствам, с тем вместе учит свободе. Повинитесь, — говорит, — всякому человеку начальству Господа ради; аще царю, яко преобладающе; аще ли же князем, яко от него посланным, — яко свободни. Повинуйтесь, как свободные» (Святитель Филарет Московский (Дроздов) 1994: 275).

Важнейшая мысль святителя здесь состоит в том, что именно царю возможно только свободное повиновение. Эта мысль очень непривычна для современного мирского сознания, а вместе с тем она на самом деле очень проста. Действительно, подобно тому как невозможно заставить человека поверить в Бога, поскольку вера есть акт свободы, — точно так же невозможно заставить повиноваться царю по совести именно как Царю, поставленному от Бога, а не просто как случайному обладателю единоличной власти. В обоих случаях фундаментальным является акт свободной веры. Но когда сознание человека поработщено корыстными страстями, то он видит лишь явления материального мира, но не видит Бога духовными очами; и точно так же он не может видеть Царя, а видит лишь «тирана», непонятно почему владеющего самодержавной властью. Для сравнения: «демократия», вопреки внушаемым ныне предрассудкам, вовсе не требует никакого усилия свободы: но как раз наоборот, она требует от человека поработиться своим корыстным «интересам» и лишь бороться с теми, кто препятствует их реализации.

В наше время важно понимать, что в основе создания русским народом великого государства, объявшего 1/6 часть земной суши, кроме его могучих физических сил и храбрости, лежал и определённый тип сознания — а именно монархическое сознание. Без такого понимания сущности царской власти, о котором сказано выше, народ

не смог бы совершить исторический подвиг создания великой государственности. Выдающийся русский историк Г. В. Вернадский писал сто лет назад: «Русское искусство, русскую церковь мы готовы признать созданием народного гения. Труднее доступна нам мысль, что всё русское государство — такое же создание русского народа. В этом государстве видят много тёмных сторон — но нельзя же из-за них не замечать могучих творческих сил, направляющих всю его жизнь <...> И с этой стороны русское государство — плод национального творчества русского народа» (Вернадский 2006: 124). И это «национальное творчество русского народа» было бы невозможным без православного монархического сознания.

В «Записной тетради 1876–1877 гг.» («Текущее — октябрь») Достоевский записал: «О самодержавии как о причине всех свобод России. (Тут-то разница во взглядах русских иностранцев и русских — русских, по-иностранному — тирания, по-русски — источник всех свобод.)» (Достоевский 1982: 278). Затем он ещё раз обратится к этому положению, проясняя свою мысль: «Возьмите энтузиазм, окружающий непрерывно царя и царское слово. Сами русские не дадут не только укорениться, но даже и появиться беспорядку даже в случае самых полных свобод. В этом случае Россия, может быть, самая свободная из наций. Вот русское понимание самодержавия» (Достоевский 1982: 291). Таким образом, здесь три взаимосвязанных тезиса: 1) самодержавие — основа свободы русского народа; 2) это объясняется энтузиазмом, то есть абсолютным доверием народа к царю, вследствие чего гражданские свободы в том случае, если в России будет оставаться царь, не приведут к анархии и беспорядку (т. е. к революции); 3) пока остаётся это нравственное основание самодержавия в самом народе, такой народ является самым свободным.

К сожалению, история подтвердила тезис Достоевского о том, что народ удерживается от беспорядков только верой в царя — зная это, заговорщики февраля 1917 г. в первую очередь объявили об «отречении» царя, что очень скоро привело к полной анархии в стране. Почему именно так и произошло, Достоевский уже чётко объяснил: «Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя... а всенародная, всеединяющая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что от неё только одной ждал исхода своего из Египта. Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и веровании его...

это отношение народа к царю, как к отцу, и есть у нас то настоящее, адриановское основание, на котором всякая реформа у нас может зиждиться и соиздаться. Если хотите, у нас в России нет никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая, живая связь народа с царём своим, и из неё у нас всё и исходит» (Достоевский 1984: 21–22). Конечно, русский народ имел очень высокую культуру самоорганизации на уровне крестьянской общины, артели и особенно казачьего войска, но именно государственная жизнь у русских всегда носила характер нравственной службы царю и без этого разрушалась. Так и после 1917 г. государство восстановилось только в форме новой фактической монархии Сталина (тиранической карикатуры на подлинную монархию).

В качестве важного примера монархии как принципа общего блага Достоевский приводил отмену царём крепостного права. В «Дневнике писателя. 1876» в апрельском выпуске, в главе IV он отмечал: «Нет-с, освободили мы народ с землёй не потому, что стали культурными европейцами, а потому, что сознали в себе русских людей с царём во главе, точь-в-точь как мечтал сорок лет тому помещик Пушкин, проклявший в ту именно эпоху своё европейское воспитание и обратившийся к народным началам. Во имя этих-то народных начал и освобождён был русский народ с землёю» (Достоевский 1981: 118). В материалах к роману «Бесы» Достоевский ещё более отчётливо представит мысль об освобождении крестьян в России, происшедшем по воле царя. «Вспомните тоже, — говорит один из предполагаемых героев романа, — что царь освободил народ, а не вы. Эта мысль у царей родилась... потому что цари всегда с народом шли, даже при Бироне» (Достоевский 1974: 87). Освобождение крестьян он ставил в заслугу царской власти и считал, что это стало возможно только благодаря специфике взаимоотношений верховной власти и русского народа. Действительно, строгой экономической и политической необходимости отмены крепостной повинности крестьян не было — эта форма экономики отмирала сама по себе эволюционным путём. В крепостной зависимости к тому времени находилось всего около трети крестьян. После отмены этой повинности на её место пришли другие формы зависимости, и положение крестьян в целом ухудшилось. Поэтому акт отмены «крепостного права» был в первую очередь актом нравственным, а не чисто экономическим и политическим. Именно это и акцентирует Достоевский, проясняя сущность царской власти.

В «Записной тетради 1876–1877 гг.» под рубрикой «Будущие идеи. Июль–Август» Достоевский определяет особенности верховной власти в России в виде конспекта, который, однако, совершенно ясен по смыслу: «Русское самодержавие. Об обеспеченности самодержавия. Все свободы разом и все земские соборы, потому что слишком обеспечена власть. Только у нас одних. Наша своеобразность» (Достоевский 1982: 221). Логика здесь проста и очевидна: именно независимость царя от влияний извне — «обеспеченность самодержавия» — позволяет ему предоставить максимум свобод народу. «Мы неограниченная монархия и, может быть, всех свободнее... При таком могуществе императора — мы не можем не быть свободны» (Достоевский 1982: 107). Этот главный закон монархической государственности впоследствии был подробно исследован и обоснован в трудах Л. Тихомирова, И. Солоневича.

Кроме того, исходя из этого принципа Достоевский формулирует важнейший закон русской истории: «Наша европейская слава произошла вовсе не от петровской реформы (иначе надо бы было сузить всю реформу на технические заимствования, которые могло бы сделать и Московское царство) — а именно от древненародного русского взгляда на власть царскую (как неограниченного повелителя), — власть, на которую не посягнул Пётр ввиду уж слишком явной для себя же невыгоды и которая изумила Европу и мир своею силою и целокупностью (последнее проявление этой силы — освобождение крестьян по одному лишь царскому слову)» (Достоевский 1980: 268). Эта самая главная сущность русского православного государства — как общего нравственного служения Богу и царю как исполнителю Божией воли — позднее была убедительно показана архим. Константином (Зайцевым).

Такой тип власти в России стал возможен только благодаря особым нравственным отношениям между народом и царём. Как писал Ф. М. Достоевский, «отношение это русского народа к царю своему есть самый особый пункт, отличающий народ наш от всех других народов Европы и всего мира; что это не временное только дело у нас, не переходящее, не признак лишь детства народного, например, его роста и проч., как заключил бы иной умник, но вековое, всегдашнее и никогда, по крайней мере ещё долго, очень долго оно не изменится... Идея же эта заключает в себе такую великую у нас силу, что, конечно, повлияет на всю дальнейшую историю нашу, а так как она совсем особливая и как ни у кого, то и история наша не может быть похожею на историю других европей-

ских народов, тем более её рабской копией. Вот чего не понимают у нас умники, верующие, что всё у нас переделается в Европу... у нас гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке, и именно на этом же алмазовом основании она и соиздается» (Достоевский 1984: 22).

В реальности гражданская свобода в Российской империи и была выше, чем в Европе и США, поскольку эта реальная свобода даётся во все не конституциями и избирательным правом, а самим укладом народной жизни. Русский уклад жизни состоял в самоуправлении крестьянских общин, имевших лишь внешние контакты с государством, и таком же самоуправлении всех малых и больших народов империи. Подобного этому на Западе не было — там общество полностью контролировалось государством, и поэтому и стояла проблема сохранения самостоятельности «гражданского общества». В России такой проблемы не было, поскольку общество жило своей внутренней жизнью, контролируемой обычаями и мало связанной с государством с его юридическими законами — они были для общества лишь внешней защитой. «Гражданским обществом» в России стала на европейский манер называть себя только «интеллигенция» и сознательно противопоставлять себя государству — тем самым становясь не только антигосударственной, но и антинародной силой.

Поэтому после Петра в России, как пишет Достоевский, «в огромной части её образованного сословия перестали и даже как бы отучились видеть в этой идее главное назначение России, завет будущего и жизненную силу её; в противоположность тому стали находить всё это в новых указаниях. В Церкви, по-западному, многие стали видеть лишь мертвенный формализм, особность, обрядность, а с конца прошлого века так даже предрассудок и ханжество: о духе, об идее, об живой силе было забыто. Явились идеи экономические характера западного, явились новые учения политические... Зато в простом, многомиллионном народе нашем и в царях его идея освобождения Востока и церкви Христовой не умирала никогда» (Достоевский 1983: 68). Но «народ гораздо больше и лучше вашего знает то, что он делает, потому что у него сверх ясного ума ещё сердце есть, а у вас только старенький, сбивчивый, отвлечённый либерализм, который вдобавок ещё оказывается бессердечным либерализмом. Посмотрите: народ помогает славянам, чтоб помочь несчастным, болея сердцем (и таким он всегда был сострадательным и всегда готов бывал отдать и кровь и жизнь несчастному...)... Книжные вы люди,

ослы, навьюченные книгами» (Достоевский 1982: 277). Так называемое «образованное общество», как писал Достоевский, «не понимает оно сущности русской, ибо оторвалось от почвы» (Достоевский 1982: 221). В подготовительных материалах к «Дневнику писателя. 1876» в октябре Достоевский под рубрикой «Здесь. И вдруг» записал: «Несомненно, что к народному воззрению должны примкнуть все, вся интеллигенция, все сильные мира, около царя стоящие. Демократизм не испугает. У нас нечему пугаться. Сила царская. Такому народу могут быть даны все свободы — он не нарушит их» (Достоевский 1982: 286).

Да, при условии сохранения царской власти могли бы развиваться в России любые внешние социальные свободы, не разрушая государство. Но именно поэтому революционеры начали с уничтожения царской власти как главного защитника народа — и после этого уже было совсем не трудно установить в России кровавую диктатуру и тотальный террор. Тем самым Достоевский оказался совершенно прав, указывая на сущность царской власти как главного охранителя народной свободы. Именно в царский период Россия из княжества превратилась в мировую державу. Это превращение осуществил сам народ, свободно расселявшийся на огромных территориях, но это было бы невозможно без мощной царской власти, служившей общенародному благу.

Упование Достоевского на то, что «к народному воззрению должны примкнуть все, вся интеллигенция», на первый взгляд может показаться утопичным. Однако не стоит торопиться с выводами. Во-первых, время, о котором говорит Достоевский, ещё не наступило — оно наступит только при религиозном возрождении народа и появлении православной интеллигенции вместо старой — светской и безбожной. Во-вторых, уже и страшный XX век дал множества примеров такого духовного прозрения бывших интеллигентов. Самый яркий из них — великий русский мыслитель о. Сергей Булгаков, бывший в молодости марксистом. Ещё до 1917 г. он писал: «Я почувствовал, что и Царь несёт свою власть, как крест Христов, и что повиновение Ему тоже может быть крестом Христовым и во имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божией милостью, а не народным произволением» (Булгаков 1991: 302). Как видим, даже у бывшего марксиста и врага самодержавия вдруг

из самой глубины души поднялось столь мощное народное чувство любви к царю, что поразило его самого.

Тенденция разрушения «народной монархии» Петром I и замена её «диктатурой бюрократии» была глубоко исследована в классической книге И. Солоневича. Но именно Достоевский первым понял эту губительную тенденцию, которая затем и привела к свержению монархии. В «Дневнике писателя. 1881» во 2-й главе писателем представлен некий «остроумный бюрократ», возражающий против экономии государственного бюджета путём сокращения бюрократического аппарата: «Ибо вот уже почти двести лет, с самого Петра, мы, бюрократия, составляем в государстве всё; в сущности, мы-то и есть государство и всё — а прочее лишь привесок... А потому и сокращаться даже на тридцать восемь с сорока (а не то что с сорока на четырёх) было бы дело глубоко вредным и даже безнравственным. Гроши получите, а разрушите принцип... Сейчас ничего не народится, кроме нам же подобных. И долго ещё так будет» (Достоевский 1984: 28–31).

Заветное убеждение Достоевского состояло в том, что народам и государствам необходимо свято хранить высокие цели и задачи, поскольку «как только после времён и веков (потому что тут тоже свой закон, нам неведомый) начинал раскачиваться и ослабевать в данной национальности её идеал духовный, так тотчас же начинала падать и национальность... Не “начало только всему” есть личное самосовершенствование, но и продолжение всего и исход. Оно объемлет, зиждет и сохраняет организм национальности, и только оно одно» (Достоевский 1984: 166). Таким образом, по Достоевскому, именно нравственное усилие, духовное преобразование человека и всего народа в целом — это основа силы государства. Приведённые здесь характеристики русского народного самосознания и специфика русской государственности, которая на них основана, — такое же гениальное открытие Достоевского, как и анализ человеческого духа и души в его художественных произведениях. Личное самосовершенствование как основа «организма национальности» — это такое же глубочайшее прозрение в сущность русской и мировой истории, как и другие его прозрения о человеке.

В свою очередь, русская история показывает, как пишет Достоевский, что «политика чести и бескорыстия есть не только высшая, но, может быть, и самая выгодная политика для великой нации, именно потому, что она великая. Политика текущей практичности и непрерывного бросания

себя туда, где повыгоднее, где понасущнее, избобличает мелочь, внутреннее бессилие государства, горькое положение. Дипломатический ум, ум практической и насущной выгоды всегда оказывался ниже правды и чести, а правда и честь кончали тем, что всегда торжествовали» (Достоевский 1981: 66). Россия стала великой державой именно потому, что её великие (а иногда и святые) правители всегда следовали этому духовному закону политической жизни. В «Дневнике писателя. Март 1877 год» находим его рассуждение о христианской жертвенности как том главном государствообразующем качестве русского народа, которым всегда созидалась Россия:

«Русский народ слишком дорос до здравого понятия о восточном вопросе с своей точки зрения. Хотя и дико сказать, но четырёхвековой гнёт турок на Востоке с одной стороны был даже полезен там христианству и Православию, — отрицательно, конечно, но, однако же, способствуя его укреплению, а главное, его единению, его единству, точно так же, как двухвековая татарщина способствовала некогда укреплению церкви и у нас в России. Придавленное и измученное христианское население Востока увидало во Христе и в вере в него единое своё утешение, а в Церкви — единственный и последний остаток своей национальной личности и особенности. Это была последняя единая надежда, последняя доска, остававшаяся от разбитого корабля; ибо Церковь всё-таки сохраняла эти населения как национальность, а вера во Христа препятствовала им, то есть хотя части из них, слиться с победителями воедино, забыв свой род и свою прежнюю историю. Всё это чувствовали и хорошо понимали сами угнетённые народы и единились около креста теснее. С другой стороны, с самого покорения Константинополя, весь огромный христианский Восток невольно и вдруг обратил свой молящий взгляд на далёкую Россию, только что вышедшую тогда из своего татарского рабства, и как бы предугадал в ней будущее её могущество, свой будущий всеединящий центр себе во спасение. Россия же немедленно и не колеблясь приняла знамя Востока и поставила царьградского двуглавого орла выше своего древнего герба и тем как бы приняла обязательство перед всем Правослаviем: хранить его и все народы, его исповедующие, от конечной гибели. В то же время и весь русский народ совершенно подтвердил новое назначение России и царя своего в грядущих судьбах всего Восточного мира. С тех пор главное, излюбленное наименование царя своего народ твёрдо и неуклонно поставил и до сих пор

видит в слове: “православный”, “царь православный”. Назвав так царя своего, он как бы признал в наименовании этом и назначение его, — назначение охранителя, единителя, а когда прогремит веление Божие, — и освободителя Православия и всего христианства, его исповедующего, от мусульманского варварства и западного еретичества» (Достоевский 1983: 67–68).

Катастрофа 1917 года вовсе не опровергает определение Достоевским русского народа как народа-«богоносца». Более того, даже подтверждает, если вдуматься в суть катастрофических событий XX века. Как и народ Ветхого Завета, русский православный народ подвергался намного большим искушениям, чем другие народы. И за свои грехи получал такие тяжкие кары, которых не знал ни один другой народ в мире. Это как раз и есть признаки народа-«богоносца», против которого всегда направлены самые страшные удары богоборческих сил. Поэтому прообразом трагической русской истории является история богоизбранного народа Ветхого Завета, который также прошёл через многочисленные искушения, обман и геноцид.

И тот факт, что революционным «бесам» удалось обмануть своей пропагандой именно русский народ, а не народы Европы, на самом деле также свидетельствует о его более христианском характере — смирении и доверчивости, непривычности к обману. Народ привык, что его защищает царь, а когда царя не стало, оказался обманутым и беззащитным. А будучи обманут и ослеплён пропагандой, инстинктивно искал «замену» царю — и нашёл её в тирании Сталина. Так «бесы» использовали лучшие душевные качества православного народа в своих целях. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но одной из причин катастрофы 1917 года были вовсе не худшие, а, наоборот, лучшие, христианские качества русского народа. Как известно, намного легче обмануть человека доброго и доверчивого, чем злого и эгоистичного. Та же закономерность действует и на уровне целых народов. Русский народ привык жить вольной жизнью в рамках крестьянской общины, где все отношения были построены не на юридических, а на нравственных нормах. Поэтому люди почти не имели прямого контакта с государством, которое лишь защищало эту вольную общинную жизнь извне, как внешняя «броня», не касаясь самой народной жизни. Но и само государство было построено по образу большой семьи и религиозной общины, где монарх был общим отцом и защитником. Такой образ жизни и воспитал тот уникальный тип русского

человека, живущего по законам Правды, а не корысти, который благодаря великой русской литературе стал известен и почитаем во всём мире.

3

Православная политическая философия Достоевского, непонятая его современниками, вместе с тем точно соответствовала официальной идеологической формуле «Православие. Самодержавие. Народность». Как известно, граф С. С. Уваров, заняв пост министра просвещения, подписал 21 марта 1833 г. «циркулярное распоряжение» начальникам учебных округов, в котором сформулировал три идейных принципа, которые должны лежать в основе народного образования: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединении духа Православия, самодержавия и народности» (Казаков 1989: 10). Как отмечает исследователь, в то время эта формулировка «могла быть воспринята как гражданская модификация известного военного девиза: “За веру, царя и отечество”» (Казаков 1989: 10). Касаясь будущих задач народного образования, С. С. Уваров писал, что Россия должна «развить русскую национальность, на истинных её началах, и тем поставить её центром государственного быта и нравственной образованности» (Казаков 1989: 28). Позднее, уже в отчёте Уварова об итогах управления им Министерством народного просвещения, поданном царю в 1843 г., граф писал: «Слово “народность” возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за смелое утверждение, что министерство считало Россию возмужалою и достойною идти не позади, а, по крайней мере, рядом с прочими европейскими национальностями» (Казаков 1989: 28). Здесь под противниками идеи «народности» С. С. Уваров «имел в виду русских либералов-западников, преклонявшихся перед европейской цивилизацией и не веривших в культурную мощь русского народа» (Казаков 1989: 40). Как отмечает исследователь, «нет сомнения, что под народностью Уваров разумел национальную культуру и национальный дух русского народа, отличающий его от прочих народов мира» (Казаков 1989: 28). Однако вопреки обычному мнению, «так называемая “доктрина” Уварова... не имела общегосударственного значения и не являлась официальной идеологической программой николаевского царствования»; она была «скорее теорией “официальной педагогики”, поскольку лишь в сфере образования

уваровские принципы (“православие, самодержавие и народность”) порой находили реальное применение — в частности, в ряде курсов и лекций по гуманитарным дисциплинам» (Казаков 1989: 31–32).

Исторический контекст появления этой идейной формулы состоял в том, что в Европе «своего апогея антирусская кампания... достигла именно в этот период, принимая порой характер подлинной русофобии... Именно в это время русская национальная идея... особенно остро нуждалась не только в своём признании и утверждении внутри страны, но и в её теоретической защите за рубежом... Вследствие всех этих антирусских настроений “национальная идея”, выраженная понятием “народность”, уже не пульсировала, а была ключом в сознании русского общества тех лет» (Казаков 1989: 11). При этом «понятие “народность” было воспринято большинством современников как призыв к развитию и утверждению самобытно русской национальной культуры. Кроме того, “народность” включала в себя тогда и идею патриотизма» (Казаков 1989: 33).

Как видим, ситуация появления этой идейной «формулы» была во многом похожа на современную. В качестве примера её действия на умы приведём высказывания В. Г. Белинского. Уже в следующем, 1834 г. в статье «Литературные мечтания» он писал: «Просвещение не закоснит благодаря неусыпным попечениям мудрого правительства. Русской народ смыслён и понятлив, усерден и горяч ко всему благому и прекрасному, когда рука царя-отца указывает ему на цель, когда его державный голос призывает его к ней!.. Да! у нас скоро будет своё русское, народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые савонники, сподвижники царя на трудном поприще народоправления, являются посреди любознательного юношества в центральном храме русского просвещения возвещать ему священную волю монарха, указывать путь к просвещению в духе Православия, самодержавия и народности» (Белинский 1976: 125–126). Позднее, в статье «“Бородинская годовщина” В. Жуковского» критик даже сформулировал определённую историософию в обоснование принципа С. С. Уварова. Эти его идеи почти не известны, но они до сих пор не устарели:

«Народное не в том смысле, как понимают это слово непризванные опекуны человеческого рода, заграничные крикуны. Для нас, русских, нет событий народных, которые бы не выходили из живого источника высшей власти... Да, в слове “царь” чудно слито сознание русского

народа, и для него это слово полно поэзии и таинственного значения... И это не случайность, а самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя в истории народа русского. Ход нашей истории обратный в отношении к европейской: в Европе точкою отправления жизни всегда была борьба и победа низших ступеней государственной жизни над высшими: феодализм боролся с королевскою властью и, побеждённый ею, ограничил её, явившись аристократиею; среднее сословие боролось и с феодализмом и с аристократиею, демократия — с средним сословием; у нас совсем наоборот: у нас правительство всегда шло впереди народа, всегда было звездою путеводною к его высокому назначению; царская власть всегда была живым источником, в котором не иссякали воды обновления, солнцем, лучи которого, исходя от центра, разбегались по суставам исполинской корпорации государственного тела и проникали их жизненною теплотою и светом. В царе наша свобода, потому что от него наша новая цивилизация, наше просвещение, так же как от него наша жизнь... И потому-то всякий шаг вперёд русского народа, каждый момент развития его жизни всегда был актом царской власти; но эта власть никогда не была абстрактною и произвольно-случайною, потому что она всегда таинственно сливалась с волею провидения — с разумною действительностию, мудро угадывая потребности государства, сокрытые в нём, без ведома его самого, и приводя их в сознание... безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзия нашей жизни, наша народность, если под словом “народность” должно разуметь акт слития частных индивидуальностей в общем сознании своей государственной личности и самости. И наше русское народное сознание вполне выражается и вполне исчерпывается словом “царь”, в отношении к которому “отечество” есть понятие подчинённое... пора сознать, что мы имеем разумное право быть горды нашею любовью к царю, нашею безграничною преданностию его священной воле, как горды англичане своими государственными постановлениями» (Белинский 1977: 114–115).

Как видим, молодой В. Г. Белинский — ещё вполне русский человек, не одурманенный западными «передовыми» идеями, но уже прошедший определённую философскую школу Гегеля, — разворачивает здесь свою достаточно оригинальную историософию России, которая до настоящего времени также замалчивается и заслоняется его поздним, западничеством мировоззрением. Суть этой историософии состоит

не в смене господства одних социальных классов над другими, а в общем служении народа Божией правде, которое невозможно без верности царю как Помазаннику Божию. Историческая динамика состоит в чередовании периодов «смут» — т. е. отступлений от этого принципа — и нового единения народа на основе православного нравственного возрождения. В XX веке Россия пережила самую страшную из таких смут, а ныне, в соответствии с этим общим историческим законом, находится в стадии выхода из неё.

Насколько актуальна эта идейная «формула» в наше время, когда нет самодержавия как официальной формы власти, православие исповедует лишь часть населения и в основном лишь на словах, а «народность» в смысле особых черт русского национального характера также во многом утрачена? Эта «формула» отражает исторические основания России как государства и цивилизации, а современной России она соответствует в своей более универсальной формулировке: «Духовность, суверенность, самобытность». Россия как суверенная цивилизация и государство со своей миссией в мире может сохраниться и развиваться только в том случае, если в ней будет культивироваться приоритет духовных смыслов и ценностей над потребительскими; сохраняться суверенность ценностей и целей её государственного бытия; и сохраняться культурная самобытность русского народа и российской полиэтнической нации. Тем самым якобы «старая» формула С. С. Уварова изменила лишь свою форму, а не смысл.

Будущая Россия может существовать, только сохраняя те же духовно-нравственные основы своего бытия, которые её создали в прошлом. В том числе возможно в будущем и возрождение самой классической формулы «Православие. Самодержавие. Народность» — если произойдёт чаемое православное возрождение народа, о котором пророчествовали русские святые. В свою очередь, православный народ установит монархию как свою форму власти.

Важно понимать и место политической философии Достоевского в общем контексте его творчества. Художественный мир, созданный им в прозе, — страшен и почти безнадежен: он наполнен страдающими героями, большинство из которых гибнет и не находит выхода из этого мира. Они служат уроком нам — предостерегая от подобного гибельного пути, и этим ценны для читателя. Однако в художественном мире Достоевского не происходит преображения героев, все они замкнуты в своём эгоизме

и страстях, иногда доходящих и до состояния «бесов». Только у некоторых будущее преображение брезжит где-то лишь в далёкой перспективе как упование и мечта (Раскольников, Дмитрий Карамазов и др.). Но общего преображения и катарсиса нет в мире Достоевского — это мир «последних времён», движущийся к Апокалипсису, в котором спасение человека уже возможно только как чудо, противоречащее всем законам этого мира.

Таким стал мир, лишённый Христа, — мир обезбоженной «интеллигенции», противопоставившей себя православному народу. Именно этот мир, а не мир народа, стал предметом изображения Достоевского в его прозе. Но в «Дневнике писателя» его устами заговорил сам народ, которого нет в его художественном мире, — заговорил как судья над этим миром гибели. И на фоне такого страшного мира, пророчески изображённого Достоевским (это мир ХХI века, который он прозревал уже в веке ХIХ), его видение русского народа как «богоносца» и православной монархии как самой христианской и спасительной формы государственности являлось, по сути, единственным «лучом света» в этом погибающем мире. Достоевский не ошибся и в своих страшных прогнозах о будущей революционной катастрофе в России. Он точно назвал её сущностную причину — захват России «бесами». Он назвал и последнюю надежду, которая остаётся у народа, — это покаяние и воцерковление. Лучшие черты народного характера, точно указанные Достоевским, не исчезли — в ХХ веке ими воспользовались революционеры для обмана и утверждения своей власти. Не исчезли они и до сих пор — только благодаря им и существует современная Россия.

Кратко рассмотренные здесь принципы православной политической философии Достоевского были впоследствии развиты выдающимися русскими мыслителями ХХ века — Л. Тихомировым, И. Солоневичем, архим. Константином (Зайцевым), Н. Тальбергом, архиеп. Аверкием (Таушевым), свт. Серафимом (Соболевым), И. Ильиным и др. Но у Ф. М. Достоевского они были прозрениями — важнейшим проявлением его гения. Политическая философия Достоевского, в том числе его учение о царской власти, — это естественная и необходимая часть его антропологии, а вовсе не «дань времени», как наивно думают многие его критики. В наше время она становится не менее актуальной, чем его художественные произведения, как образец православной политической философии.

Сведения об авторе

Даренский Виталий Юрьевич — доктор философских наук, профессор Луганского государственного педагогического университета, 91031, Луганск, ул. Оборонная, 2; e-mail: darenский1972@rambler.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Алексеев П. В., Алексеева А. А. «Константинополь должен быть наш»: провиденциальные мотивы в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Мир культуры, науки, образования. — 2017. — № 6 (67). — С. 447–449.

Белинский В. Г. «Бородинская годовщина» В. Жуковского... Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду // Собр. соч. : в 9 т. — М. : Худож. лит., 1977. — Т. 2. — С. 109–118.

Белинский В. Г. Литературные мечтания (Элегия в прозе) // Собр. соч. : в 9 т. — М. : Худож. лит., 1976. — Т. 1. — С. 47–127.

Борисова В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в фокусе современных интерпретаций // Идеи и идеалы. — 2016. — № 2 (28). — С. 128–137.

Бочарова И. М., Волкова Е. А., Фролова Е. В. Монархизм и народность Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2018. — № 2 (46). — С. 1–7.

Булгаков С. Н. Христианский социализм. — Новосибирск : Наука, 1991. — 350 с.

Вернадский Г. В. Национальное творчество русского народа (Таврический голос. 1919. 8 (21) декабря. № 112 (262)) // Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки историков-исследователей. — Симферополь : ЧерноморПресс, 2006. — С. 122–124.

Достоевский Ф. М. Адрес Александру II, написанный Достоевским от имени Славянского благотворительного общества // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1990. — Т. 30. Кн. 2.

Достоевский Ф. М. Бесы. Подготовительные материалы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1974. — Т. 11.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1981. — Т. 23.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1983. — Т. 25.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 год // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1984. — Т. 26.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Январь – апрель 1876 // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1981. — Т. 22.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Январь 1881 // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1984. — Т. 27.

Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1980. — Т. 21.

Достоевский Ф. М. Рукописные материалы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1982. — Т. 24.

Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле Николаевской эпохи // Контекст-1989. — М. : Наука, 1989. — С. 5–45.

Мейендорф И., протопресв. Рим и Константинополь // Рим — Константинополь — Москва. Исторические и богословские исследования. — М. : ПСТГУ, 2006. — С. 13–43.

Мейендорф И., протопресв. Два понимания Церкви: Запад и Восток накануне Нового времени // Рим — Константинополь — Москва. Исторические и богословские исследования. — М. : ПСТГУ, 2006. — С. 57–80.

Святитель Филарет Московский (Дроздов). Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича // Творения Филарета Московского. — М. : Отчий дом, 1994. — 475 с.

Солоневич И. Л. Миф о Николае II // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М. : Изд-во журнала «Москва», 2001. — С. 77–106.

Тарасов Б. Н. Дневник писателя // Русская философия. Энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. — М. : Клуб Книговек, 2014. — С. 170–172.

Шмеман А., прот. Исторический путь Православия. — К. : Пролог, 2003. — 412 с.

Dostoevsky's Orthodox Political Philosophy

V. Yu. Darensky

LUGANSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY,
LUGANSK

Abstract: The article discusses the main ideas of F. M. Dostoevsky's political philosophy and their organic connection with the integrity of his Orthodox worldview. It is shown that the Orthodox monarchism of the writer, his artistic world and his understanding of a person as a spiritual being shared the same higher moral foundations. Dostoevsky's Orthodox political philosophy, though unappreciated by his readers from "the educated stratum", at the same time exactly corresponded to the official ideological formula of "Orthodoxy. Autocracy. Nationality". Against the background of the prophetically depicted de-Godded world, which Dostoevsky had already looked into in the 19th century, his vision of the Russian people as "God-bearers" and the Orthodox monarchy as the most Christian and salvatory form of statehood served as the only "sliver of light" in this dying world. The particular value of Dostoevsky's political philosophy is that it stood as the articulation of the mass peoples' consciousness, which was no longer represented in fiction and scientific literature of his lifetime due to the prevalent ideology of liberalism and democracy borrowed from Europe. The voice of Dostoevsky expressed "the culture of the silent majority" of the people, which was not reflected in the secular culture of that period. In *A Writer's Diary* and other works by Dostoevsky, this popular Orthodox view of the monarchy received a rational formulation and argumentation. The article highlights the main components of this argumentation, showing the consistency of the writer's political views and their deeply thought-out and pained nature. Dostoevsky turned out to be equally correct in his predictions about the future revolutionary catastrophe in Russia and the huge number of its victims. He was the one to accurately formulate the essential reason

for it as the takeover of Russia by “demons”. He also did not fail to name the last hope for the people — the repentance and the return to the Church. The relevance of Dostoevsky’s political philosophy in the modern era is determined by two factors: it helps to understand the real political thinking of the Russian people, which has existed for many centuries, but has hardly been studied so far; it explains “the archetypes” of Russian political consciousness that have existed at all times up to the present and remain an important factor in Russian history.

Keywords: Political Philosophy, F. M. Dostoevsky, “A Writer’s Diary”, Monarchy.

For citation: Darensky, V. Yu. (2021). Dostoevsky’s Orthodox Political Philosophy. *Orthodoxia*, (3), 242–268. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-242-268

About the author:

Darensky Vitaly Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor of Lugansk State Pedagogical University, 2, Oboronnaya str., Lugansk, 91031; e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

REFERENCES

Alekseev, P. V., Alekseeva, A. A. (2017). “Konstantinopol’ dolzhen byt’ nash”: providentsial’nye motivy v “Dnevnikе pisatel’ia” F. M. Dostoevskogo [“Constantinople Should Be Ours”: Providential Motives in “A Diary of a Writer” by F. M. Dostoevsky]. *Mir kul’tury, nauki, obrazovaniia*, (6), 447–449. [In Russian].

Belinsky, V. G. (1976). Literaturnye mechtaniia (Elegiia v proze) [Literary dreams (Elegy in prose)]. In *Sobranie sochinenii v 9 t.* [Works in 9 Volumes] (Vol. 1, pp. 47–127). Moscow: Hudozh. lit. [In Russian].

Belinsky, V. G. (1977). “Borodinskaia godovshchina”. V. Zhukovskogo... Pis’mo iz Borodina ot bezrukogo k beznogomu invalidu [Borodino anniversary. V. Zhukovsky... A letter from Borodin from an armless to a legless invalid]. In *Sobranie sochinenii v 9 t.* [Works in 9 Volumes] (Vol. 2, pp. 109–118). Moscow: Hudozh. lit. [In Russian].

Bocharova, I. M., Volkova, E. A., Frolova, E. V. (2018). Monarkhizm i narodnost’ F. M. Dostoevskogo v “Dnevnikе pisatel’ia” [Monarchism and Nationality of F. M. Dostoevsky in “A Writer’s Diary”]. *Uchenye zapiski*.

Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, (2), 1–7. [In Russian].

Borisova, V. V. (2016). “Dnevnik pisatel’ia” F. M. Dostoevskogo v fokuse *sovremennykh interpretatsii* [“A Writer’s Diary” by F. M. Dostoevsky in the Focus of Modern Interpretations]. *Idei i idealy*, (2), 128–137. [In Russian].

Bulgakov, S. N. (1991). *Khristianskii sotsializm* [Christian Socialism]. Novosibirsk: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1990). Adres Aleksandru II, napisannyi Dostoevskim ot imeni Slavianskogo blagotvoritel’nogo obshchestva [Address to Alexander II, Written by Dostoevsky on Behalf of the Slavic Charitable Society]. In *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete Collection of Works: in 30 Volumes] (Vol. 30, Book 2). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1974). Besy. Podgotovitel’nye materialy [Demons. Preparatory Materials]. In *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete Collection of Works: in 30 Volumes] (Vol. 11). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1981). Dnevnik pisatel’ia za 1876 god [A Writer’s Diary for 1876]. In *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete Collection of Works: in 30 Volumes] (Vol. 23). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1983). Dnevnik pisatel’ia za 1877 god [A Writer’s Diary for 1877]. In *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete Collection of Works: in 30 Volumes] (Vol. 25). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1984). Dnevnik pisatel’ia za 1880 god [A Writer’s Diary for 1880]. In *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete Collection of Works: in 30 Volumes] (Vol. 26). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1981). Dnevnik pisatel’ia. Ianvar’ – april’ 1876 [A Writer’s Diary. January – April 1876]. In *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete Collection of Works: in 30 Volumes] (Vol. 22). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1984). Dnevnik pisatel’ia. Ianvar’ 1881 [A Writer’s Diary. January 1881]. In *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete Collection of Works: in 30 Volumes] (Vol. 27). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1980). Zapisi literaturno-kriticheskogo i publicheskogo kharaktera iz zapisnykh tetradei 1872–1875 gg. [Entries of a Literary-Critical and Journalistic Nature from Notebooks of 1872–1875]. In *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete Collection of Works: in 30 Volumes] (Vol. 21). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1982). Rukopisnye materialy [Handwritten Materials]. In *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete Collection of Works: in 30 Volumes] (Vol. 24). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Kazakov, N. I. (1989). Ob odnoi ideologicheskoi formule Nikolaevskoi epokhi [On One Ideological Formula of the Epoch of Nicholas I]. In *Kontekst-1989* (pp. 5–45). Moscow: Nauka. [In Russian].

Meyendorff I., protopresv. (2006). Dva ponimaniia Tserkvi: Zapad i Vostok nakanune Novogo vremeni [Two Understandings of the Church: the West and the East on the Eve of the New Time]. In *Rim — Konstantinopol' — Moskva. Istoricheskie i bogoslovskie issledovaniia* (pp. 57–80). Moscow: PSTGU. [In Russian].

Meyendorff I., protopresv. (2006). Rim i Konstantinopol' [Rome and Constantinople]. In *Rim — Konstantinopol' — Moskva. Istoricheskie i bogoslovskie issledovaniia* (pp. 13–43). Moscow: PSTGU. [In Russian].

Solonevich, I. L. (2001). Mif o Nikolae II [The Myth of Nicholas II]. In Solonevich I. L. *Nasha strana. XX vek* (pp. 77–106). Moscow: Izd-vo zhurnala “Moskva”. [In Russian].

St. Philaret of Moscow (Drozdov) (1994). Slovo v den' rozhdeniia Blagochestiveishego Gosudaria Imperatora Nikolaia Pavlovicha [The Word on the Birthday of the Most Pious Sovereign Emperor Nikolai Pavlovich]. In *Tvoreniia Filareta Moskovskogo*. Moscow: Otchii dom. [In Russian].

Tarasov, B. H. (2014). Dnevnik pisatel'ia [A Writer's Diary]. In *Russkaia filosofiia. Entsiklopediia* (pp. 170–172). Moscow: Klub Knigovek. [In Russian].

Vernadsky, G. V. (2006). Natsional'noe tvorchestvo russkogo naroda (Tavrisheskii golos. 1919. 8 (21) dekabria. № 112 (262)) [National Creativity of the Russian People (Tavrisheskii golos. 1919. December 8 (21). No. 112 (262))]. In Filimonov S. B. *Intelligentsiia v Krymu (1917–1920): poiski i nakhodki istochnikoveda* (pp. 122–124). Simferopol: Chernomor-Press. [In Russian].

Schmemmann A., protopresbyter. (2003). *Istorichesky put' Pravoslaviia* [The Historical Path of Orthodoxy]. Kiev: Prolog. [In Russian].